

Т.К. Алланиязов¹ , К.К. Абдрахманова²

¹Жезказганский университет имени О.А. Байконурова, Жезказган, Казахстан;
²Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: klio56@mail.ru; kimbat_abd@mail.ru)

Дети-спецпереселенцы Казахстана в документах и материалах

В статье охарактеризованы документальные публикации, посвященные проблеме депортации народов на территорию Казахстана, выявлена документальная база, определены основные группы источников, проанализированы документы и материалы, содержащие сведения о детях-спецпереселенцах, выявлен их информационный потенциал по таким ключевым аспектам истории детей-спецпереселенцев Казахстана 1930–1950-х годов, как: а) численный состав детей-спецпереселенцев, в том числе по возрасту и национальной принадлежности; б) охват детей-спецпереселенцев учебными и лечебными заведениями; в) материально-бытовые условия; г) обеспеченность детей-спецпереселенцев одеждой и продовольствием; д) смертность детей-спецпереселенцев; е) трудоустройство детей-спецпереселенцев.

Ключевые слова: дети-спецпереселенцы, политические репрессии в Казахстане, советская история Казахстана, источники по истории спецпереселенцев.

Введение

В отечественной истории 1930–1950-е годы характеризуются наличием огромного количества страниц, насыщенных драматизмом и трагизмом, как по содержанию, так и по своим последствиям. В их числе особое место занимает история детей-спецпереселенцев Казахстана, являющейся составной частью истории детей ГУЛАГа. Если история детей ГУЛАГа нашла свое отражение в ряде научных публикаций, то история детей-спецпереселенцев остается вне сферы научного внимания отечественных историков. Это во многом связано с недостаточно полной разработкой источниковых оснований проблемы депортаций в целом и слабой изученностью информационного потенциала документов и материалов, содержащих сведения по широкому кругу аспектов истории детей-спецпереселенцев. Подобное положение диктует первостепенную необходимость разработки избранной темы в источниковедческом аспекте, что позволит выявить состав источников, а также информационный потенциал документов и материалов по ключевым аспектам истории детей-спецпереселенцев Казахстана 1930–1950-х годов.

Методы исследования

Материалом для данного исследования послужили выявленные в сборниках, изданных в период с 2012 по 2022 годы, документы и материалы, содержащие сведения о детях-спецпереселенцах Казахстана в 1930–1950-е годы. В статье применены методы системного анализа и классификации документальных источников, а также принципы историзма и объективности, количественный, проблемно-хронологический и компаративистский методы, которые в своей совокупности позволили выявить состав источников и дали возможность охарактеризовать информационный потенциал как отдельных групп источников, так и наиболее информативных документов и материалов в плане содержания сведений по ключевым темам истории детей-спецпереселенцев.

Обсуждение

Важнейшей проблемой отечественной истории является история спецпереселенцев Казахстана 1930–1950-х годов. Данная научная проблема достаточно широко отражена в многочисленных исследованиях и публикациях и имеет на сегодняшний день объемную историографию [1; 7–21].

Если история спецпереселенцев в конкретно-историческом аспекте нашла свое освещение в целом ряде работ казахстанских историков, то в источниковедческом аспекте разработка истории спецпереселенцев только начинается.

* Автор-корреспондент. E-mail: kimbat_abd@mail.ru

Так, в документальном сборнике М.Ч. Калыбековой «Спецпереселенцы Казахстана: документы и материалы (1930–1956 годы)» дана развернутая характеристика групп источников и их информационного потенциала, а также представлен широкий комплекс документов и материалов, содержащих ценный фактический материал о спецпереселенцах Казахстана [2; 3–8].

В трехтомном документальном издании представлены емкие характеристики репрезентативных возможностей большого количества документов, отражающих процесс становления режима «спецпоселения» и условий труда и жизни спецпереселенцев 1930–1935 гг., насильственного переселения в Казахстан в 1935–1939 гг. финнов, поляков, немцев, курдов, армян, турок, корейцев, иранцев, именуемом в научной литературе социально-этническими и этническими депортациями, насильственного переселения в Казахстан в 1939–1945 гг. поляков, немцев, финнов, греков, итальянцев, калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, турков, курдов, армян [3–5].

В сборнике документов и материалов «Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы» в самых общих чертах охарактеризованы источниковедческие, историографические и методологические аспекты проблемы [6; 5–14].

Несмотря на объёмную историографию проблемы истории спецпереселенцев, включающей в себя ряд документальных публикаций, такой ее ключевой аспект, как история детей-спецпереселенцев, на сегодняшний день остается практически неразработанным.

Результаты исследования

Характеристика источниковой базы. Важнейшим условием объективного и всестороннего изучения истории детей-спецпереселенцев Казахстана является наличие необходимой источниковой базы. Оценивая вышедшие в 2012–2014, 2019 и 2022 годах сборники документов и материалов по истории депортаций, отметим следующее. Все эти сборники играют особую роль в понимании механизмов депортаций, раскрытии ее целей и задач, выявлении форм, методов, результатов и последствий их осуществления. В своей совокупности они задают векторы изучения ключевых аспектов истории депортированных народов — численность, состав (пол, возраст, этническая принадлежность) и движение спецпереселенцев, трудовое использование спецпереселенцев, материально-бытовые условия проживания, обеспечение продовольствием и вещевым довольствием, медико-санитарное обслуживание, заболевания и смертность среди спецпереселенцев, декларированное и реальное отношение партийно-советских, государственных и хозяйственных органов всех уровней к судьбам спецпереселенцев, положение детей-спецпереселенцев и др.

Вместе с тем эти сборники неоднозначны по своему содержанию, характеру исполнения, тематике представленных документальных источников.

Так, трехтомник, подготовленный коллективом АП РК, где представлен значительный объем документов, почерпнутых из российских и казахстанских архивов, ряда опубликованных ранее документальных публикаций, выделяется прекрасно откомментированными документами, высококвалифицированным исполнением предисловий, основательным научно-справочным аппаратом, включающим в себя примечания, географический, именной и предметный указатели, списки сокращений, использованных архивных фондов, ранее опубликованных документов и фотографий, а также продуманным тематическим структурированием.

Сборник документов и материалов, подготовленный М.Ч. Калыбековой, отличается от упомянутого трехтомника тем, что в нем представлены документы, почерпнутые преимущественно из Государственного архива Карагандинской области, а также Архива Комитета по правовой статистике и спецучетам Генеральной прокуратуры РК, Архива Управления Комитета по правовой статистике и спецучетам Карагандинской области, Архива Карагандинского ИТЛ. Это дало возможность опубликовать более широкий перечень документов, касающийся спецпереселенцев из числа народов Северного Кавказа (чеченцев и ингушей) локализованных в Карагандинской области Казахской ССР. Отсутствие каких-либо комментариев в известной мере компенсируется географическим указателем, указателем имен и списком сокращенных слов.

Сборник документов и материалов «Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы», вышедший в серии «Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века)», хронологически охватывает период с 1931 по 1990 годы. Здесь представлен значительный объем документов, извлеченных из фондов ЦГА РК, АПРК, областных и спецгосархивов, ранее опубликованных документальных изданий, которые дают возможность реконструировать этапы и масштабы насильственного переселения. Сборник содержит научно-

справочный аппарат, состоящий из предисловия, примечаний, списка сокращенных слов. Заявленные в предисловии списки использованных архивных фондов и литературы отсутствуют. Отсутствуют и комментарии к документам, что заметно снижает археографическую и историографическую ценность сборника, а также свидетельствует о недостаточно высокой квалификации его составителей.

Анализ содержания названных сборников дает основание утверждать, что взятые в совокупности все эти три издания служат значимой источниковой базой для исследования проблемы истории детей-спецпереселенцев Казахстана. Основанием для этого является то, что в названных сборниках сосредоточен значительный корпус источников — около 200 документов и материалов, в которых содержатся фактические и статистические сведения о детях-спецпереселенцах Казахстана за огромный, более чем 25-летний, хронологический период — 1930–1956 годы.

Состав источников и их основное содержание. Для успешного проведения исследований проблемы истории детей-спецпереселенцев Казахстана в конкретно-историческом аспекте необходима разработка источниковедческого аспекта проблемы. Это позволит выявить состав источников и даст возможность охарактеризовать информационный потенциал, как отдельных групп источников, так и наиболее информативных в плане содержания сведений по ключевым темам истории детей-спецпереселенцев документов и материалов.

Анализ документов и материалов, содержащих информацию о детях-спецпереселенцах, показывает наличие четырех основных групп источников: а) документы советских и партийных органов союзного, республиканского, областного и районного уровней; б) документы органов госбезопасности и внутренних дел союзного, республиканского, областного и районного уровней; в) документы республиканских наркоматов (министерств) здравоохранения, просвещения, земледелия и рабоче-крестьянской инспекции и их структурных подразделений областного и районного уровней; г) информационные сообщения руководителей предприятий, учреждений и организаций.

Первая группа документов содержит 3 подгруппы: 1) Постановления СНК (Совета Министров) СССР, Казахской ССР, ЦК ВКП (б), ЦК КПСС, Казкрайкома ВКП (б), ЦК КП (б) Казахстана, обкомов, горкомов и райкомов; 2) телеграммы, информационные письма и докладные записки партийно-советских руководителей республиканского, областного и районного уровней, а также протоколы заседаний бюро обкомов и горкомов; 3) доклады и сообщения работников прокуратуры всех уровней.

Вторая группа документов содержит 2 подгруппы: 1) директивные указания, инструкции и положения ОГПУ-НКВД-МВД СССР и Казахской ССР; 2) телеграммы, сводки, докладные записки, отчеты, справки и сообщения руководителей ОГПУ-НКВД-МВД СССР, Казахской ССР, областей и районов Казахстана.

Документы и материалы, сосредоточенные в указанных выше сборниках, содержат ценную фактическую и статистическую информацию по таким ключевым аспектам истории детей-спецпереселенцев, как: а) численный состав детей-спецпереселенцев, в том числе по возрасту и национальной принадлежности; б) охват детей-спецпереселенцев учебными и лечебными заведениями; в) материально-бытовые условия; г) обеспеченность детей-спецпереселенцев одеждой и продовольствием; д) смертность детей-спецпереселенцев; е) трудоустройство детей-спецпереселенцев.

При этом следует иметь в виду, что документы и материалы разнятся между собой не только происхождением и адресатом, но и характером и содержанием. Так, если в одних документах информация по одному или нескольким из перечисленных выше аспектам истории детей-спецпереселенцев носит крайне фрагментарный характер, то в других документах наблюдается системный подход при подаче информации в виде структурирования текста документа и представления статистических данных в табличной форме. Последнее, как правило, наблюдается либо в документах обобщающего характера по группе этносов и социальных слоев, либо документах, отражающих информацию по конкретной этнической группе или социальному слою в масштабе района, области, республики. Это объясняется широким жанровым разнообразием документов и материалов, обусловленных их разными целями и задачами, которые, в свою очередь, определялись должностными статусами авторов и адресатов.

Информационный потенциал документов и материалов. Численный состав детей-спецпереселенцев, в том числе по возрасту, национальной принадлежности и родившихся в тот или иной временной промежуток зафиксирован в целом ряде документов относящихся к рассматриваемому периоду. Так, за 1930–1935 годы эти сведения содержатся в документах под номером 168, 176, 210, 213, 239, 242, 283 [3; 348–475]. За 1935–1939 годы — в документах под номером 13, 14, 198, 206, 265 [4; 466–616]. За 1939–1945 годы — в документах под номером 1, 39, 48, 88, 156, 184, 202, 216,

222, 223 [5;301–459], а также в документах под номером 3, 88, 138, 141, 147, 150, 151, 153, 164, 169, 179, 184, 187, 196, 201[6; 18–245]. К ним следует присовокупить документы, содержащиеся в сборнике «Спецпереселенцы Казахстана: документы и материалы (1930–1956 гг.)» [2; 136–152].

В качестве характерных фактов, демонстрирующих содержательную сторону тех или иных документов по рассматриваемому аспекту, назовем следующие примеры. В документе № 168 представлены сведения о численности детей-спецпоселенцев по возрасту и трудоспособности в отдельно взятом хозяйственном учреждении за июнь 1931 года. Здесь имелось детей-спецпоселенцев в возрасте до 8 лет нетрудоспособных — 533 человека, негодных по физическому и семейному положению — 346, с 8 до 12 лет нетрудоспособных — 170, негодных — 128, с 12 до 16 лет трудоспособных — 75, нетрудоспособных — 60, негодных — 96 [3; 348]. В документе № 1 в табличной форме представлена динамика движения детей-трудпоселенцев с Северного Кавказа за период с января по ноябрь 1934 года в разрезе по четырем месяцам, в том числе и количество родившихся детей [5; 48]. В документе № 13 представлена численность детей, прибывших с Украины в июне 1936 года — 4663 человека [4; 64]. В документе № 39 в табличной форме представлены сведения о численности (16588 чел.) детей-спецпереселенцев с Западной Украины и Западной Белоруссии в возрасте до 16 лет на октябрь 1940 года [5; 124].

Информация о численном составе детей-спецпереселенцев, в том числе по возрасту и национальной принадлежности, содержится в письме начальнику Переселенческого отдела при СНК КазССР Донцова, где отмечено, что в Карагандинской области на 1 января 1940 года из общего числа корейцев переселенцев 4312 человек детей в возрасте до 18 лет насчитывалось 1679 человек [2; 125]. В отчете о выполнении мероприятий по хозяйственно-трудовому устройству спецпереселенцев с Северного Кавказа по Карагандинской области за 1945 год характеризуется динамика вселения спецпереселенцев с Северного Кавказа. При этом отмечено, что на 1 января 1946 года в области из 31001 чеченцев и ингушей (7702 семьи) детей насчитывалось 14864 человека, в течение 1944 года родилось 445 человек [2; 136, 137]. Количество детей-спецпереселенцев (42858 чел.) по Карагандинской области на 1 октября 1953 года в разрезе по этническим группам представлено в справке начальника областного УМВД Бурдюга на имя начальника УМВД по Грозненской области Дементьева [2; 243, 244].

Особо ценными в информационном плане являются документы № 88, 147, 150, 179, 186, 196 и 201 в сборнике «Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы». Так, в документе № 88 представлены сведения о количестве детей-спецпереселенцев прибывших с эшелонами в Казахскую ССР по состоянию на 16 марта 1944 года в разрезе по эшелонам и областям [6; 168]. В документе № 147 содержатся в табличной форме сведения о численности (4641) родившихся детей-спецпереселенцев с Северного Кавказа, Грузии и Крыма за 1946 год в разрезе по областям Казахской ССР. Документ № 150 содержит сведения о количестве детей-спецпереселенцев дошкольного (97896), школьного (89102) и беспризорных (6864) в целом по Казахской ССР на август 1946 года. Согласно документу № 179 в Казахской ССР было учтено на декабрь 1950 года 184100 детей-спецпереселенцев в возрасте от 7 до 14 лет и 81500 в возрасте от 15 до 18 лет [6; 217]. В июле 1951 года по городу Караганде было учтено 6129 детей-спецпереселенцев, в том числе чеченцев — 1404, немцев — 4182, другие национальности — 593 человека. Документ № 196 содержит сведения о количестве детей-спецпереселенцев немцев и чеченцев в отдельно взятом Осакаровском районе Карагандинской области на 20 декабря 1952 года (соответственно 2582 и 3195 человек). В документе № 201 представлены сведения об учтенных в сентябре 1949 года по Южно-Казахстанской области Казахской ССР детях-спецпереселенцах, кроме греков, — 7960 человек [6; 244].

Эти документы дают представление по количеству детей-спецпереселенцев в конкретные хронологические периоды как в целом по республике, так и по отдельным областям, городам, районам и хозяйственным учреждениям.

Сведения, касающиеся охвата детей-спецпереселенцев детскими, учебными и лечебными заведениями, содержатся в значительном количестве документов. Так, в первом томе документального трехтомника по данному аспекту выявлены 13 документов, в том числе документы под № 176, 182, 202, 204, 204, 206, 207, 210, 213, 216, 220, 237 и 242 [3; 358–541]. Во втором томе 36 документов — № 3, 5, 23, 60, 65, 102, 105, 108, 117, 118, 124, 125, 126, 127, 138, 146, 153, 158, 160, 161, 201, 204, 207, 208, 212, 213, 224, 226, 243, 244, 246, 247, 248, 252, 265, 266 [4; 304–618]. В третьем томе 7 документов — № 1, 39, 40, 44, 58, 59, 60, 78, 156, 202, 205, 206, 207, 213, 221, 222, 223 [5; 395–459]. В сборнике «Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы» выявлено 22 документа, в том числе

документы под № 11, 20, 47, 80, 96, 133, 136, 141, 143, 146, 147, 150, 151, 153, 167, 169, 176, 179, 184, 187, 188, 201 [6; 24–245]. В сборнике «Спецпереселенцы Казахстана: документы и материалы (1930–1956 гг.)» представлены 2 документа, содержащие сведения по охвату детей-спецпереселенцев школьными и детскими учреждениями [2; 149–161].

Всего, таким образом, в трех изданиях насчитывается 80 документов, в которых представлена информация, позволяющая сформировать определенные представления о количественных и качественных параметрах, отражающих степень вовлеченности детей-спецпереселенцев в образовательные учреждения. При этом документы демонстрируют критическое положение дел с вовлечением детей-спецпереселенцев в отдельно взятом трудпоселении, населенном пункте, районе, области и республики в целом.

Так, например, в информации директора Каучукпромлесхоза Дронова в ПП ОГПУ по КАССР о физическом состоянии трудпоселенцев и условиях их жизни от 18 июня 1931 года отмечалось, что «у Каучукпромхоза из переговоров с райГПУ получилось убеждение, что учить детей нельзя. Наробраз никаких признаков интереса к этому участку не проявляет, хотя детей подростков около 300» [3; 351]. Карагандинский РО ОГПУ, информируя Казкрайком ВКП (б) о количестве, условиях жизни и антисоветских настроениях спецпереселенцев, 12 ноября 1931 года отмечал, что «в поселке Майкудук функционируют пока 2 школы, охватывающие 500 детей, или 35 % к общему числу детей школьного возраста» [3; 438]. В сентябре 1932 года заместитель ПП ОГПУ по КАССР Миронов в Докладной записке секретарю Казкрайкома ВКП (б) Хахиани «О жилищно-бытовых условиях спецпереселенцев Южного Казахстана» отмечал: «Под школы приспособлены бараки и жилые дома, холодные и не имеют сплошь и рядом деревянных полов, оборудование школ грубо, примитивно... Число школ недостаточно, охвачено около 50 % детей-спецпереселенцев школьного возраста» [3; 237]. Докладная записка помнаркома НКВД КазССР С.Л. Гильмана замнаркому НКВД СССР В.В. Чернышеву о реализации Постановления СНК СССР «О хозяйственном устройстве корейских переселенцев» от 20 февраля 1938 года за № 201-34-С от 31 марта 1938 года информировала о том, что «школьным обучением охвачено 15966 детей, обучающихся в 82 начальных школах, 38 неполных средних и 14 средних школах» [4; 303]. «Основными трудностями в проведении учебы детей-иранцев, — отмечалось в одном из документов за январь 1939 года, — это незнание ими ни русского, ни казахского языков» [4; 484]. Целый ряд документов информировал о ходе и результатах реорганизации в 1938 году национальных школ в Казахской ССР [4; 243–269].

Ценные сведения о положении дел с обучением детей-спецпереселенцев в школах республики содержат документы, представленные в третьем томе сборника «Из истории депортаций. Казахстан 1939–1945 гг.». Так, в Докладной записке начальника ОТП (отдел трудовых поселений) УНКВД по Карагандинской области Я. Шкеле начальнику ГУЛАГа НКВД М. Берману «Об итогах работы по хозяйственно-бытовому устройству трудпоселенцев в Северном Казахстане за время с 1 января по 1 ноября 1934 г.», датированной 5 декабря 1934 года, представлены сведения о количестве школ различных типов и численности обучающихся в них детей в трудпоселках Северного Казахстана по состоянию на 5 декабря 1939 года. [5; 52] В Докладной записке руководства НКВД КазССР наркому НКВД СССР Л.П. Берии о размещении, трудовом использовании и состоянии агентурно-оперативной работы среди спецпереселенцев, высланных из западных областей Украины и Белоруссии по состоянию на 15 октября 1940 года, отмечено, что «дети переселенцев школьного возраста учебой не охвачены. В колхозе «III Интернационал» детям спецпереселенцев, подлежащим обязательному обучению, учиться не разрешают, мотивируя это отсутствием твердой установки по этому вопросу со стороны районо. Из 100 с лишним детей школьного возраста в Кустанайском р-не начальным обучением охвачено до 30 детей. В Калининском р-не из 109 детей школьного возраста обучаются только 37. В Лебяжском р-не из 169 детей школьного возраста учебой охвачен 51 ребенок. В Цюрюпинском р-не из 220 детей спецпереселенцев школьного возраста в школу принято только 70 чел. детей, в Урлютюпском р-не из 101 чел. — 30 чел. детей и т. д. Наряду с этим имеют место и такие факты, как в Акмолинской обл., когда детей спецпереселенцев в целях продолжения среднего образования переводят в пункты, где имеются средние школы. Есть и такие случаи, когда родители спецпереселенцев демонстративно заявляют, что в советских школах своих детей обучать не будут. Так, в пос. Дмитриевке Лозовского р-на переселенка Абрамчик заявила: «Я не позволю, чтобы русские издевались над моим ребенком» [5; 131] О принимаемых мерах, направленных на преодоление критического положения дел в сфере образования, свидетельствует решение Кзыл-Ординского облисполкома от 12 ноября 1941 года по организации дополнительных классов при существующих НШ, НСШ и СШ для

детей переселенцев из Республики, немцев Поволжья. В этом решении представлена численность планируемых к открытию классов с предполагаемым количеством учащихся в колхозах Казалинского района [5; 194]. В Чиилийском районе Кзыл-Ординской области охват учебой детей школьного возраста составил 744 человека, фактическая посещаемость составляла 524 человека. В районе имелось 55 человек беспризорных детей, которые «до сего времени не определены ни в какие детские учреждения» [5; 302]. 21 декабря 1944 года в Директиве ЦК КП (б) Казахстана Секретарю Зырянского райкома КП (б) Казахстана А.А. Ухову о трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев отмечалось, что «дети спецпереселенцев школьного возраста не охвачены обучением» [5; 427].

Документы содержат информацию, детализирующую картину обучения в 1947–1948 учебном году детей чеченцев в разрезе по 14 районам Карагандинской области и г. Караганде [6; 174]. В одном из документов при характеристике положения дел с образованием детей-спецпереселенцев в масштабе Казахской ССР отмечалось, что «Наркомпрос КазССР не проводит достаточных мер по охвату детей спецпереселенцев учебой, в связи с чем из 50 329 детей школьного возраста в текущем году посещают школы только 6 099 детей. Борьба с беспризорностью детей спецпереселенцев ведется плохо» [5; 455]. Ценными являются сведения о количестве обучающихся детей-спецпереселенцев как по областям, так и по республике в целом. Так, в школах Карагандинской области «к началу учебного 1950–1951 года было учтено детей спецпоселенцев в возрасте от 7 до 14 лет — 20709 человек, в том числе: немцев — 11295, Сев. Кавказа — 8223, украинцев — 1028, прочие национальности — 163» [6; 220]. В Южно-Казахстанской области, как сообщалось в «Справке о спецпоселенцах в ЦК ВКП/б/» от 20 сентября 1949 года, «из 7960 учтенных детей спецпереселенцев /без греков/ охвачено учебой 7674, не охвачено 286 детей по разным причинам, в основном из-за незнания русского языка /чечены, ингуши/, отсутствием обуви и т.д. 100 % охват детей спецпереселенцев учебой не организован, так как перемещение переселенцев из района в район все еще продолжается /особенно греков/. Обучаются дети переселенцев на казахском и русском языках. Для охвата детей спецпереселенцев открыто по области 1 неполно-средняя школа /в Миргалимсае/, 107 начальных, 25 семилетних, 3 средних класса и 5 интернатов с охватом 164 человека. 75 детей спецпереселенцев посещают детские сады, в детских домах детей спецпереселенцев 284 человек, из них 188 чеченцев, 96 немцев» [6; 244].

Информативным является документ «Из отчета о выполнении мероприятий по хозяйственному устройству спецпереселенцев с Северного Кавказа, Грузинской и бывшей Крымской АССР за 1946 год» в котором в табличной форме представлены сведения о количестве детей дошкольного, школьного возраста, беспризорных и их охват детскими и школьными заведениями в разрезе по областям. Из таблицы видно, что всего в республике учтено: детей школьного возраста — 95633 человек, из них охвачено учебой — 31 946 человек, детей дошкольного возраста — 107989 человек, из них охвачено детсадами и детяслями — 11486 человек, детей беспризорных — 5480 человек, из них устроено в детдома — 3521 человек. При этом подчеркнуто, что охват детей школьного возраста школьным обучением по-прежнему проводится совершенно неудовлетворительно. Основной и главной причиной в этом было и остается по настоящее время то, что у большинства детей совершенно отсутствует обувь и одежда [6; 171–172].

По Казахстану на январь 1950 года свыше 53 тысяч детей школьного возраста не были вовлечены в школы, на декабрь 1950 года «из учтенных 184,1 тысяч детей спецпереселенцев в возрасте от 7 до 14 лет охвачено школьным обучением 34 тысячи человек, или 18 %. Из 81,5 тысяч человек спецпоселенцев в возрасте 15–18 лет обучаются в 6–10 классах всего лишь 14,8 тысяч человек, или 18 %. Из общего числа молодежного возраста спецпереселенцев — 224,8 тысяч человек, 203,7 тысяч человек, или 90 % нигде не учатся» [6; 211]. В Справке МГБ СССР за 1952 год отмечалось, что «на 1 января т.г. по всей территории расселения спецпоселенцев было учтено 91 943 детей школьного возраста, не охваченных обязательным обучением. Из них детей спецпоселенцев — 30 289, детей народностей, высланных из Северного Кавказа, — 33 702, детей, высланных из западных областей Украины, «оуновцев» и бандпособников — 4761, детей калмыков — 3392 и детей народностей, высланных с Черноморского побережья, 3323... Такое количество детей, не посещающих начальные школы (20 % к числу всех детей школьного возраста), объясняется отсутствием зимней одежды и обуви, в связи с тяжелым материальным положением родителей, отсутствием школ в ряде мест расселения или отдаленностью школ от мест проживания» [6; 235].

В ряде документов представлена информация о вовлечении детей-спецпереселенцев в ФЗУ и ремесленные училища. Так, например, Докладная записка Секретарю ЦК ВКП (б) А.А. Жданову

«О работе партийных и советских организаций КазССР по устройству и закреплению спецпереселенцев на новых местах жительства» в 22 августа 1946 года информировала о том, что «в 1945 г. в школы ФЗО и ремесленные училища было призвано около 3000 подростков из числа спецпереселенцев. В 1946 г. по плану намечено призвать 4000 человек» [6; 206]. Отмечались и недостатки в организации школ ФЗО: «С марта месяца с.г. началось дезертирство из школ ФЗО учащихся-выселенцев, которых за первое полугодие с.г. дезертировало 107 человек. Изучением причин массовых побегов из ФЗО учащихся выселенцев-спецпоселенцев установлено, что мобилизация в ряде мест в школы ФЗО была проведена крайне неорганизованно, в результате чего имеются крупнейшие недостатки в качественном составе учащихся. Так, по данным Карагандинского областного управления трудрезервов, в числе мобилизованных оказалось 475 чел. бездокументных, 140 чел. недоростков, 181 чел. больных, 14 чел. ранее судимых за разные преступления... В составе мобилизованных в школы ФЗО выселенцев-спецпоселенцев по выборочным данным отдела спецпоселений УМВД Карагандинской области учтены 109 чел., призванных без учета семейных обстоятельств, — у них остались на местах или престарелые родители, или несовершеннолетние братья и сестры, которые без мобилизованного добывать средства к существованию не способны. Кроме того, в числе призванных в школы ФЗО учтено более 175 человек выселенцев, уже имеющих различные одну или несколько специальностей, причем в ряде случаев более высокие по квалификации, нежели те, которые они получают в результате учебы в школах ФЗО» [6; 194–195].

Что касается информации охвата детей-спецпереселенцев лечебными учреждениями, то она носит предельно общий характер, отражая лишь количество и качество медицинского обслуживания всех спецпереселенцев. Наличие большего числа документов, касающихся такого аспекта, как состояние процесса вовлечения детей-спецпереселенцев в детские и школьные учреждения по сравнению с числом документов, характеризующих численность детей-спецпереселенцев, объясняется доктринальными установками советской власти по обязательному всеобучу детей, независимо от их социально-правового статуса.

Сведения, касающиеся материально-бытовых условий проживания детей-спецпереселенцев, отражены в ряде документов. Среди них выделяются 3 документа, содержащиеся в первом томе документального трехтомника, — № 203, 205 и 217; 4 документа во втором томе — № 60, 97, 125, 158; 3 документа в третьем томе — № 221, 222, 223 [3–5]. В сборнике «Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы» содержатся 12 документов — № 20, 47, 96, 98, 100, 113, 133, 143, 147, 150, 151, 167, 168 [6; 49–197]. В сборнике «Спецпереселенцы Казахстана: документы и материалы (1930–1956 гг.)» по рассматриваемому аспекту представлены 6 документов [2; 102–161]. Всего 25 документов, которые содержат информацию, демонстрирующую различные параметры материально-бытовых условий проживания спецпереселенцев — от предельно критических до минимально приемлемых относительно хронологического периода, климатических условий и мест проживания.

Так, в октябре 1931 года в колониях спецпереселенцев в Аральском море и в районе Аралцентра, где находилось 1600 человек, взятые темпы жилищного строительства не могли обеспечить нужной жилой площадью по отдельности каждую семью. В пределах райцентра абсолютное большинство семей проживали в бараках вместе по несколько десятков семей, «несмотря на наступающий холод, два барака до сего времени не отоплены, нет печей, в стенах дыры. Чрезвычайная скученность порождает грязь, болезни» [3; 428].

В Санитарном обзоре главврача Бражникова жилищно-коммунального состояния медицинского участка № 13 и бытовых условий 3500 поселенцев-корейцев (ноябрь 1937 г.) отмечалось, что часть из них была размещена с крайним уплотнением в квартирах, вполне подготовленных к жилью и в большинстве оборудованных для встречи зимы. Другая часть была помещена во вновь оборудованных в квартирах, каковые «в большей своей части не могут быть признаны с санитарной точки зрения квартирами вполне благополучными по следующим причинам: часть из них не имеют утепленной крыши тамбуров, глинобитных полов, в этих квартирах наблюдается низкая температура, влажный воздух, последствие свежей штукатурки стен и их побелки, а также вследствие резкого перехода температуры от нежилого к жилому в условиях зимней погоды. Во вновь оборудованных квартирах так же, как и в ранее жилых квартирах, наблюдается скученность, которая на населенном пункте Балиман и пос. Андреевке превосходит все допустимое. Попутно с этим отмечаю факт размещения 14 (четырнадцати) семей на указанном населенном пункте в неутепленных летних бараках, стены которых выстроены из ивовых материалов, обмазаны глиной изнутри и снаружи. Часть из прибывших до сего времени продолжают помещать в клубе и школах, за неимением вновь отстроенных квартир.

Скученность в квартирах, антисанитарное состояние последних как внутри, так и вовне, отсутствие в квартирах предметов необходимой обстановки, как-то: столов, постелей, табуреток, ночевка жильцов квартир на полу сплошной массой, наличие среди населения семей с навыками прежнего бескультурья, отмечаемые случаи вшивости» [4; 194–195].

Постановление Бюро Карагандинского Горкома КП (б) Казахстана «О бытовых условиях и трудоустройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа по Самаркандской группе предприятий» от 13 октября 1944 г. отмечало, что «трудпереселенцы с Северного Кавказа размещены в 2-х стандартных бараках и 2-х землянках. В стандартных бараках очень тесно, так на 35 кв. метрах размещено 80 человек, кровати стоят в два яруса, поэтому в здании грязно и душно. Совершенно нетерпимое положение в землянках, где размещено около 400 человек, землянки к жилью совершенно не приспособлены, в них сыро, душно и отсутствует совершенно естественный свет. Все живущие в землянках абсолютно раздеты и не имеют постельных принадлежностей» [6; 126].

Обобщенные данные по вопросу обеспечения спецпереселенцев жилой площадью содержатся в отчете начальника Управления при Совете Министров КазССР по спецпереселению Д. Родина (март 1949 г.), которые представлены в табличной форме в разрезе по областям и отраслям народного хозяйства. При этом отмечено, что «Всего с начала поселения нормальную постоянную жилплощадь получили 95 733 семьи спецпереселенцев, в том числе в колхозах из расселенных 57 515 обеспечено жильем 50 643 семей, в совхозах из расселенных 9 618 обеспечено жильем 9 204, в промпредпр[иятиях] из расселенных 38 959 обеспечено жильем 38 886. Всего из расселенных 106092 обеспечено жильем — 95 733 семьи» [6; 171]. Подобные сведения за сентябрь 1949 года содержит и Справка Главного управления по сельскому и колхозному строительству при Совете Министров КазССР «О строительстве жилых домов и обеспеченности жилой площадью спецпереселенцев с Северного Кавказа, Грузинской ССР и Крыма» [6; 197].

Сведения об обеспеченности детей-спецпереселенцев одеждой и продовольствием представлены в следующих документах. В первом томе документального трехтомника — № 168, 191, 206, 213, 217, 283, 285 [3; 348–639]. Во втором томе — № 65, 71, 97, 125. В третьем томе — № 1, 60, 95, 132, 152, 158, 184, 186, 187, 203, 205, 216, 246 [5; 48–485]. В сборнике «Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы» — № 100, 136, 141, 143, 146, 153 [6; 128–183]. В сборнике «Спецпереселенцы Казахстана: документы и материалы (1930–1956 гг.)» рассматриваемый аспект представлен в двух документах [2; 136–161].

Всего 31 документ, где содержится информация, свидетельствующая о тотальной нехватке одежды, обуви, продуктов питания для детей-спецпереселенцев, что во многом способствовало их голодному существованию, заболеваниям, смертности и невозможности посещать школьные заведения.

Так, информация директора Каучукпромлесхоза Дронова в ПП ОГПУ по КАССР о физическом состоянии трудпоселенцев и условиях их жизни от 18 июня 1931 года содержит красноречивую по своему содержанию таблицу норм довольствия для трудпоселенцев, в том числе и детей [3; 350]. Аналогичная таблица содержится и в спецсводке ПП ОГПУ по КАССР И.К. Даниловского Секретарю Казкрайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекину о работе среди спецпереселенцев за сентябрь 1931 года, но при этом отмечено, что «согласно этой норме спецпереселенцы не получают ни мяса, ни рыбы. За отсутствием жиров спецпереселенцы жалуются на недостаток хлеба. Дети точно так же не получают никаких жиров... Неудовлетворительное питание, плохое жилье, перемена климата — все это среди спецпереселенцев не прекращает эпидемические заболевания» [3; 401].

Переселенцы-курды Кокрекского сельсовета Чуйского района в своем заявлении начальнику Переселенческого управления Наркомата земледелия КазССР от 20 марта 1939 года указывали на то, что «30 хозяйств курд всех семейств 250 чел. у[же] находимся здесь два года, и все дети ходят голые без обуви» [4; 151].

Нормы питания во вновь открываемом детском саду для польских детей наглядно представлены в решении Кзыл-Ординского облисполкома «Об открытии детского сада для польских детей» от 6 сентября 1944 года [5; 162].

Начальник Аральского РО НКВД Осыко, информируя райком КП (б) Казахстана о положении спецпереселенцев-калмыков, расселенных в рыболовецких колхозах Аральского района Кзыл-Ординской области, в апреле 1944 года отмечал, что «некоторые семьи находятся на грани голодной смерти, так как не получают хлеба или муки в течение 3-х месяцев» [5; 295].

Согласно Постановлению СНК КазССР «О выдаче продовольственной помощи нетрудоспособным старикам, многодетным матерям, детям-спецпереселенцам немецкой национальности» от 8 мая 1945 г., норма выдачи продовольственной помощи остро нуждающимся спецпереселенцам немецкой национальности определялась из расчета по 200 г хлеба на человека в день [5; 224].

Годом раньше основная часть спецпереселенцев с Северного Кавказа снабжалась продовольствием из расчета 100 г муки и 50 г крупы в день на человека, 2204 семьи получали продукты по карточкам по существующим нормам для рабочих и служащих. В результате, как отмечалось в документе «На почве недостаточного снабжения расселенных в колхозах спецпереселенцев, а в особенности из городской части населения, а также не имеющих своих собственных продовольственных запасов, установлены факты систематического недоедания, а отсюда опухание и смертельные случаи [5; 364].

В переписке чиновников по хозяйству спецпереселенцев в сентябре 1944 года отмечалось, что «люди в поголовном своем большинстве разуты и раздеты. Причем необходимо учесть, что среди спецпереселенцев очень много детей, которые буквально одеты и закутаны в рубище. В таком состоянии, в каком сейчас находятся переселенцы в части их одежды и обуви, на зиму оставлять ни в коем случае нельзя. Если этот вопрос не будет разрешен до наступления холодов, впоследствии неизбежны массовые заболевания с летальными исходами. Трудоспособное население не в состоянии будет выходить на работу, а дети ходить в школу» [5; 397].

В выделенных продовольственных фондах для спецпереселенцев с Северного Кавказа и Грузии, расселенных в Южно-Казахстанской области, с января по май 1945 года предполагалась на человека в день норма: муки — 100 г, крупы — 25 г на человека в день, сахар детям — по 125 г в месяц [5; 483].

В Отчете по хозяйственному и трудовому устройству спецпереселенцев с Северного Кавказа по Карагандинской области за январь 1948 года отмечалось, что «матери не в состоянии учить своих детей, в частности, обеспечить обувью и одеждой» [6; 183].

Подробная информация о состоянии дел с использованием фондов хлеба и сахара для снабжения детей-спецпереселенцев, а также хлопчатки, шерсти, кожсырья для пошива одежды и обуви для спецпереселенцев в Карагандинской области содержится в Справке «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа по Карагандинской области» [2; 157–160].

Документы, сосредоточенные в рассматриваемых публикациях, содержат информацию, касающуюся самой трагической страницы истории детей-спецпереселенцев Казахстана — болезней и смертности. Таких документов в трехтомнике, посвященном истории депортаций, представлено 19, в том числе: в первом томе — № 176, 191, 206, 216, 217; во втором томе — № 18, 119, 145, 205, 213, 220; в третьем томе — № 2, 19, 36, 92, 158, 197, 207, 213 [3–5]. В сборнике «Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы» 6 — № 138, 141, 147, 151, 164, 169 [6; 364].

Всего, таким образом, 25 документов, в которых представлены фактические и статистические данные о предельно критическом физическом состоянии, массовых заболеваниях и смертности детей-спецпереселенцев. Так, 6 июля 1931 года директор Каучукпромхоза села Бурно-Октябрьское Джувалинского района отмечал: «Помимо развертывающейся в результате крайней скученности и антисанитарии эпидемии брюшного тифа общее физическое состояние детей и взрослых характеризуется признаками систематического истощения и соответствующей потери сил и трудоспособности, а также восприимчивости заболеваний, почти все дети — рахитики».

По сведениям ПП ОГПУ в КАССР в селе Вернопольском (Южный Казахстан), в сентябре 1931 года было зафиксировано 13 смертей, в том числе 11 детей [4; 401]. К ноябрю 1931 года по Карагандинской области умерло детей — 4589 человек [3; 437].

В Донесении представителей КПК при ЦК ВКП(б) Н.И. Ежову в сентябре 1936 года отмечалось, что «санитарное обслуживание первой партии переселенцев в пути, а также и в местах поселения было организовано неудовлетворительно. При плохих жилищных условиях это привело к распространению среди переселенцев, особенно детей, массовых заболеваний заразными болезнями (корь, дифтерия, скарлатина и др.) и высокой смертности. Так, на 1 сентября умерло 382 человек, преимущественно детей, и болело свыше 400 человек» [4; 473]. По Каратальскому району (Алма-Атинская область) среди переселенцев-корейцев только за май 1938 года было «зарегистрировано 338 случаев поносов у детского населения с большим процентом смертности... Основной причиной, вызывающей высокую заболеваемость с большим процентом смертности, помимо бытового неустройства, является исключительно скверное питание колхозников» [4; 314].

Замначальника Аральского РО НКВД Веревкин, информируя партийное руководство района о положении спецпереселенцев калмыков и чеченцев, привел ряд удручающих фактов заболеваний на почве истощения и детской смертности [5; 306–307].

В одной из записок партийно-советскому руководству республики приведены сведения о смертности среди переселенных в Кзыл-Ординскую область чеченцев и ингушей: «Большое количество смертных случаев падает на детей и стариков: детей 46 %, взрослых 16 %, стариков 38 %. Из общего количества умерло: от сыпного тифа 24 %, истощения 15 %, неинфекционных заболеваний 55 %, старости 6 %. В июне умерло 87 чел., из них детей 43 человека» [5; 381].

В Отчете о выполнении мероприятий по хозяйственно-трудовому устройству спецпереселенцев с Северного Кавказа по Карагандинской области за 1945 год представлена динамика детской смертности: за 1944 год — 846; за 1945 год — 790 человек [6; 153].

Представленные примеры позволяют увидеть масштабы прямых и косвенных демографических потерь, которые понесли как коренное население Казахстана, так и депортированные на территорию республики этносы.

Драматическим по своему содержанию, характеру и масштабам является процесс трудоустройства детей-спецпереселенцев. Сведения по данному аспекту содержатся в 5 документах. В том числе в первом томе трехтомного сборника — документ № 202; в третьем томе — № 109, в сборнике «Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы» — документы № 113, 153, 167 [3, 5, 6].

Так, в Докладной записке ПП ОГПУ по КАССР в Казкрайком ВКП(б) о произволе в районах при выселении кулацко-байских хозяйств и о положении выселенных за 25 октября 1931 года сообщалось, что «в Возвышенском зерносовхозе (Булаевский район) на строительных работах используются дети школьного возраста, рабочий день коих составляет 10–13 часов» [3; 423].

В обстановке военного времени стала нормой мобилизация в рабочие колонны не только взрослых мужчин и женщин, но и юношей и девушек из числа представителей депортированных этнических групп, о чем наглядно свидетельствует Постановление Семипалатинского обкома КП (б) Казахстана «О мобилизации и направлении в рабочие колонны немецкого населения, проживающего на территории Семипалатинской области» от 9 октября 1942 г. Постановление предписывало: «Мобилизовать в рабочие колонны всех годных к физическому труду немцев мужчин в возрасте 15–16 лет и 51–55 лет включительно и женщин в возрасте 16–45 лет включительно, направив их для работы в угольную и нефтяную промышленность. От мобилизации освобождаются беременные женщины и женщины, имеющие детей до 3-летнего возраста. Имеющиеся дети старше трех летнего возраста передаются на воспитание оставшимся членам данной семьи. При отсутствии других членов семьи, кроме мобилизованных, дети передаются на воспитание ближайшим родственникам или немецким колхозам» [5; 242–243].

В июне 1944 года в Казахской ССР были организованы трудовые детские колонии, в которых было устроено 1268 детей-спецпереселенцев, в Джамбульской области из 19 345 работающих спецпереселенцев 2746 составляли старики и подростки [6; 135].

В послевоенный период статистика трудоустройства детей-подростков из числа спецпереселенцев на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве представлена в документах следующим образом: в январе 1948 года в Карагандинской области на производстве работало 858 подростков, в августе 1949 года работало 3337 подростков [6; 181–195].

Заключение

Характеристика сборников документов и материалов, посвященных проблеме депортации народов на территорию Казахстана и в его пределах, определение основных групп источников, анализ значительного массива документов и материалов на предмет выявления их информационного потенциала по ключевым аспектам истории детей-спецпереселенцев Казахстана 1930–1950-х годов позволяют сформулировать следующие выводы.

1. История детей-спецпереселенцев Казахстана в 1930–1950-е годы является слабо изученной в отечественной исторической литературе.
2. Отечественная историческая наука располагает объемными и содержательными документальными изданиями по проблеме спецпереселенцев.
3. Представленный фактический и статистический материалы наглядно демонстрируют уровень информативности широкого круга документов и материалов, содержащихся в рассмотренных сбор-

никах, относительно ключевых аспектов истории детей-спецпереселенцев Казахстана в 1930–1950-е годы.

4. Анализ содержащегося в документах фактического материала по ключевым аспектам истории детей-спецпереселенцев дает основание утверждать, что в наибольшей степени он представлен по трем этносам — корейцам, чеченцам и ингушам.

5. Объем, характер и содержание фактического материала, представленного в выявленных и рассмотренных документах, позволяет расценивать источниковую базу по истории детей-спецпереселенцев как стартовую основу для продолжения исследований темы.

6. Успешной разработке проблематики будут способствовать поиски документов и материалов, отложившихся в результате деятельности школьных, детских, медицинских заведений, промышленных и сельскохозяйственных учреждений, профильных министерств (наркоматов) и ведомств, партийных и советских органов, а также силовых структур, в которых зафиксированы сведения, касающиеся детей-спецпереселенцев.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН АР14871138 «Дети ГУЛАГа: из истории казахстанских лагерей и спецпоселений» (ГФ МНВО РК) на 2022–2024 гг.

Список литературы

- 1 Калыбекова М.Ч. История депортированных народов Казахстана (1937–1956 гг.) / М.Ч. Калыбекова. — Алматы: LEM, 2008. — 188 с.
- 2 Калыбекова М.Ч. Спецпереселенцы Казахстана: документы и материалы (1930–1956 годы) / М.Ч. Калыбекова. — Алматы, 2011. — 320 с.
- 3 Из истории депортаций. Казахстан 1930–1935 гг.: сб. док.: [В 3-х т.] / отв. ред. Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева. — Т. 1. — Алматы: LEM, 2012. — 772 с.
- 4 Из истории депортаций. Казахстан. 1935–1939 гг.: сб. док.: [В 3-х т.] / отв. ред. Р.М. Әбдуәли, Е.М. Грибанова. — Т. 2. — Алматы: LEM, 2014. — 740 с.
- 5 Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.: сб. док.: [В 3-х т.] / отв. ред. Х.М. Абжанов, К.Ш. Алимгазинов. — Т. 3. — Алматы: LEM, 2019. — 708 с.
- 6 Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы: сб. док. и матер. / сост.: Г.В. Кан, Р.М. Жумашев, Л.К. Шотбакова, Б.Р. Шеризданова и др. — Т. 7. — Астана: ТОО «Литер-М», 2022. — 368 с.

Т.К. Алланиязов, К.К. Абдрахманова

Құжаттар мен материалдардағы Қазақстанның арнайы қоныс аударушы балалары

Мақалада халықтарды Қазақстан аумағына депортациялау мәселесіне арналған деректік жарияланымдар сипатталған, құжаттық база, деректердің негізгі топтары анықталып, арнайы қоныс аударушы балалар туралы мәліметтерді қамтитын құжаттар мен материалдар талданған. Сонымен қатар 1930–1950 жылдардағы Қазақстанға арнайы қоныс аударушы балалар тарихының мынадай негізгі аспектілері бойынша олардың ақпараттық әлеуеті анықталған: а) қоныс аударушы балалардың сандық құрамы, оның ішінде жасына және ұлтына байланысты; б) арнайы қоныс аударушы балаларды оқу және емдеу мекемелерімен қамту; в) материалдық-тұрмыстық жағдайлары; г) арнайы қоныс аударушы балалардың киіммен және азық-түлікпен қамтамасыз етілуі; д) арнайы қоныс аударушы балалардың өлімі; е) арнайы қоныс аударушы балалардың еңбегін пайдалану.

Кілт сөздер: арнайы қоныс аударушы балалар, Қазақстандағы саяси репрессиялар, Қазақстандағы кеңестік кезең тарихы, арнайы қоныс аударушылардың тарихы бойынша деректер.

T.K. Allaniyazov, K.K. Abdrakhmanova

Children-special settlers of Kazakhstan in documents and materials

The article describes documentary publications devoted to the problem of the deportation of peoples to the territory of Kazakhstan, identifies the documentary base, identifies the main groups of sources, analyzes documents and materials containing information about special settlers, identifies their information potential on

such key aspects of the history of special settlers of Kazakhstan in the 1930s and 1950s as: a) the numerical composition of children-special settlers, including by age and nationality, b) coverage of children of special settlers in educational and medical institutions, c) material and living conditions, d) provision of clothing and food for children of special settlers, e) mortality of children of special settlers, f) employment of children of special settlers.

Keywords: special settlers children, political repression in Kazakhstan, Soviet history of Kazakhstan, sources on the history of special settlers.

References

- 1 Kalybekova, M.Ch. (2008). *Istoriia deportirovannykh narodov Kazakhstana (1937–1956)* [History of deported peoples of Kazakhstan (1937–1956)]. Almaty: LEM [in Russian].
- 2 Kalybekova, M.Ch. (2011). *Spetspereselentsy Kazakhstana: dokumenty i materialy (1930–1956 gody)* [Special settlers of Kazakhstan: documents and materials (1930–1956)]. Almaty: LEM [in Russian].
- 3 Griбанова, Е.М., & Zulkasheva, A.S. (2012). *Iz istorii deportatsii. Kazakhstan 1930–1935 gg. Sbornik dokumentov v 3-kh tomkh. T. 1* [From the history of deportations. Kazakhstan 1930–1935: Collection of documents in 3 vols. Vol. 1]. Almaty: LEM [in Russian].
- 4 Griбанова, Е.М., & Abduali, R.M. (2014). *Iz istorii deportatsii. Kazakhstan 1930–1935 gg. Sbornik dokumentov v 3-kh tomkh. T. 2* [From the history of deportations. Kazakhstan 1930–1935: Collection of documents in 3 vols. Vol. 2]. Almaty: LEM [in Russian].
- 5 Abzhanov, Kh.M., & Alimgazinov, K.Sh. (2019). *Iz istorii deportatsii. Kazakhstan 1930–1935 gg. Sbornik dokumentov v 3-kh tomakh. T. 3* [From the history of deportations. Kazakhstan 1930–1935: Collection of documents in 3 vols. Vol. 3]. Almaty: LEM [in Russian].
- 6 Kan, G.V., & Zhumashev, R.M. (2022). *Deportirovannye v Kazakhstan narody i spetsposelentsy: Sbornik dokumentov i materialov. T. 7* [Peoples and special settlers deported to Kazakhstan: Collection of documents and materials. Vol. 7]. Astana: TOO «Liter-M» [in Russian].

Сведения об авторах

Абдрахманова Кымбат — к.и.н., ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан; <https://orcid.org/0000-0001-8775-7089>

Алланиязов Турганбек — к.и.н., профессор, Жезказганский университет имени О.А. Байконурова, Жезказган, Казахстан; <https://orcid.org/0000-0001-6761-1525>

Information about the authors

Abdrakhmanova Kymbat — Candidate of historical sciences, associate professor of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.

Allaniyazov Turganbek — Candidate of historical sciences, professor, Zhezkazgan Baikonurov University, Zhezkazgan, Kazakhstan.